

MUNDOCLASICO.COM

Otra muerte que no hacía falta

Jorge Binaghi

miércoles, 22 de noviembre de 2017

‘Mortalem vitam mors cum immortalis ademit’

(cuando la muerte inmortal segó la vida mortal)

Lucrecio, *De rerum natura*, III, v.869.

Dmitri Hvorostovsky

Me han despertado con la noticia. No por esperada, menos temida. Mala forma de empezar el día. Y para colmo me han venido de inmediato a la mente los versos de Lucrecio que he puesto como cita. Cuando muere alguien cercano, querido, pariente, amigo, conocido, también se va una parte de nosotros. Quizá no se vaya, o sí, cuando fallece una figura más o menos pública a la que se ha visto pero no conocido, o sólo fugazmente, y en particular en el campo de la cultura. Lo que seguro queda es la gratitud, el recuerdo, no por ‘un buen momento’ (eso es superficial y, pocos o muchos, no tienen siempre que ver con el arte), sino por lo que a través de ese arte nos ha permitido entrever en su pintura, en su literatura, en su música, en un film, en cualquiera de las artes. Y de todos los instrumentos artísticos la voz humana sigue siendo, para mí, el instrumento más natural y bello, el más frágil pero asimismo el más poderoso.

Lo que termina sacando de las casillas es la muerte temprana, no diré que injusta, pero sí que frustra todas las expectativas legítimas del desaparecido y de los que quedan. Y sobre todo en plena actividad. No es algo desconocido tampoco en la lírica. Todavía recuerdo lo que me contaban, antes de nacer yo, sobre las muertes de Claudia Muzio, de Enrico Caruso, de Conchita Supervía. A mis escasos quince años el shock provino de las desapariciones fulminantes de Jussi Björling y Leonard Warren. Ahora le ha tocado a Dimitri Hvorostovsky, a veces llamado cariñosamente Dima. No fulminante, pero en una lucha que tuvo mucho de titánica y llevada,

dentro de los límites de la falta de privacidad y de discreción actuales, con el mismo señorío, la misma fuerza que emanaban de su figura, en la escena y en la vida cotidiana.

La primera vez que lo vi fue en una versión en concierto de *La favorita* donizettiana, uno de sus grandes roles que cantó poco, en Bruselas. El único que estuvo a la altura de su cometido. Lo volví a ver luego varias veces, nunca demasiado, y en alguna quizá no me haya convencido del todo (naturalmente, me puedo haber equivocado).

Más que trazar una biografía o la descripción superficial de una carrera intensa me gustaría recordar un par de cosas. Su victoria en el renombrado concurso de Cardiff en 1989 como cantante de ópera mientras su colega Bryn Terfel lo hacía como intérprete de lied.

Y sin embargo, mi mejor recuerdo de ‘Dima’ es su único concierto con piano en Bruselas, algo desperejo para los autores que no eran de su país y donde al final cantó un poderoso Credo del verdiano *Otello*, pero con un programa ruso memorable y en particular las difíciles composiciones de Shostakovich sobre sonetos de Miguel Ángel. Sólo comparable al de la última vez que lo vi, en el Liceu de Barcelona, con orquesta, en arias de ópera. Mantenía su voz, su comunicatividad, y si daba escalofrío ver cómo necesitaba apoyarse en el podio del director para conservar el equilibrio la sensación que transmitía no era de fragilidad, sino de un aferrarse a la vida, un desafío que, como no podía ser de otra forma, finalmente ha perdido. Con hidalguía. Luchando. Me lo comentaba en el último verano su colega Piotr Beczala –de sus colegas creo que siempre se oirán buenas palabras sobre él: había asistido a uno de sus conciertos en Alemania y decía con pesar ‘y la voz sigue estando. Pero la fuerza empieza a faltar. Qué terrible puede ser la vida’. Lo que se dice en lenguaje de la calle una verdadera putada.

No es natural, tampoco, que una persona de mi edad tenga que escribir un elogio fúnebre para una persona de la suya. Me rebela que se vayan antes que yo los que tenían derecho y merecimientos como para durar mucho más, porque servían más y mejor al mundo que los que no tenemos ningún arte que ofrecer. Por eso quiero terminar con mi único encuentro personal con el artista. Fue hace tiempo, en París, y para una entrevista que luego se publicó (aquí mismo, me parece). Seductor pero no por pose sino por su natural porte, distinción, calor humano, una sonrisa irresistible, buen humor, y una memoria asombrosa. Hasta cuando supo de dónde era yo, porque era muy alerta a los detalles y curioso en el buen sentido de la palabra, tuvo de inmediato un emocionado recuerdo –nada convencional ni ‘obligado’- para Buenos Aires, a la que enseguida añadió México. Un señor, vamos. Nos despedimos en plena calle y como punto final, que es también como queda en mi memoria, voy a citar el principio de aquella entrevista:

“Una figura esbelta, vestida de blanco y de cabellera plateada y gafas negras camina en una tarde de verano anticipado frente a la Opéra Bastille en París y se pierde, como tantos otros, en una boca de metro. Voy hablando a su lado, miramos cada uno nuestra dirección, se despide con una enorme sonrisa y un gesto expresivo de saludo, y ahí es cuando me doy cuenta de que he estado más de una hora sentado con él en su camerino”.

Como decía Cervantes en la dedicatoria de su *Persiles*, ‘con el pie en el estribo, gran señor, esta te escribo’.

Ещё одна ненужная смерть

Хорхе Бинаджи

22 ноября 2017

*“Когда смертная жизнь прервана бессмертной смертью”
Лукреций " О природе вещей" III, стих 869.*

Меня разбудили этой новостью. Несмотря на ожидаемость, от этого не менее страшной. Плохое начало дня. Мне сразу же пришли на ум эти строки Лукреция, которые я вынес цитатой в начале. Когда уходит кто-то близкий, любимый, родной, друг, знакомый, с ним также уходит частичка нас самих. Возможно, это не так (или да?..), когда умирает человек более-менее публичный, известный, которого мы только видели, но не были знакомы, или лишь мельком; речь идёт о людях культуры. То, что остаётся с нами, можно сказать с уверенностью, это благодарность, признательность, воспоминания. Не из-за приятного времяпрепровождения (это слишком поверхностно и часто не имеет отношения к искусству). А благодаря тому, что посредством его гения мы смогли понять, почувствовать в его живописи, литературе, музыке, в кинематографе, в любом из видов искусства. И из всех артистических инструментов человеческий голос для меня остаётся инструментом самым что ни на есть натуральным, настоящим, наиболее хрупким, и в то же время самым влиятельным и мощным.

То, что окончательно приводит в ярость, это смерть ранняя, несвоевременная, несправедливая, смерть, которая ломает и пресекает все начинания и ожидания и того, кто уходит, и тех, кто остаётся здесь... Особенно в полном расцвете активности. Подобное не редкость в лирическом искусстве. Я ещё помню, как мне рассказывали об уходах Клаудио Муцио, Энрико Карузо, Кончины Супервиа, случившиеся до моего рождения. В мои неполные 15 лет я испытал первый шок от скоропостижных смертей Юсси Бьёрлинга, Леонарда Уоррена. И сейчас пришёл час Дмитрия Хворостовского, часто ласково называемого Дима. Не скоропостижно, но в борьбе, которая могла бы и должна называться титанической и несла в себе, в рамках отсутствия конфиденциальности, ту же силу, то же достоинство, которые исходили от него самого, от его персоны на сцене и в повседневной жизни.

В первый раз я увидел его в концертной версии оперы "Фаворитка" Доницетти в Брюсселе, одна из его главных ролей, которую он спел, увы, мало. Он был единственным, кто был на высоте в своей партитуре, на мой взгляд. Затем я видел его ещё несколько раз (никогда слишком много) и где-то, возможно, он меня не убедил до конца (естественно, я могу заблуждаться).

Вместо того, чтобы составлять биографию или поверхностно пересказывать его яркую карьеру, я хотел бы вспомнить другое. Его победа в знаменитом конкурсе в Кардиффе в 1989 году как оперного певца, меж тем как его коллега Брин Терфель был там просто исполнителем песен. Чувствуете разницу?..

Однако моё самое яркое воспоминание о Диме было на его единственном камерном концерте с фортепиано в Брюсселе, немного несправедливое для нерусских авторов и где в конце он исполнил мощное вердиевское Кредо из "Отелло", но с запоминающейся русскоязычной программой, в частности со сложными композициями Шостаковича на сонеты Микеланджело. Я мог бы сравнить это только с самым последним разом, когда я его видел, в Лисеу в Барселоне, с оркестром, в оперных ариях. Он продолжал петь, общался, как и раньше, но невозможно было видеть без дрожи, как ему необходимо было поддерживать баланс, держась за дирижерскую стойку. Ощущение, которое передавалось, видя его, это не беспомощность, не хрупкость, а скорее держаться за жизнь, бороться, не сдаваться; вызов, который он, как мы понимаем сейчас, в конце концов проиграл... Как настоящий рыцарь. В борьбе. Мне рассказывал его коллега Пётр Бечала этим последним летом - от его коллег по сцене, думаю, можно услышать о нём только хорошее: Пётр присутствовал на одном из его концертов в Германии и говорил с сожалением: "Голос на месте, звучит, но силы начинают покидать его. Какая ужасная может быть жизнь..." Как говорится на уличном жаргоне, настоящее дерьмо.

Это неправильно, неестественно, чтобы кто-то моего возраста писал бы некролог человеку его возраста (примечание: автору 73 года)

Меня возмущает то, что уходят раньше меня те, кто имел право и заслуги жить гораздо дольше и продолжать радовать мир своим искусством, талантом. Это по-настоящему возмущает меня. Поэтому я хочу закончить воспоминанием о единственной моей личной встрече с Дмитрием. Это было сравнительно давно, в Париже в 2007 году, для одного интервью, которое было опубликовано (как раз здесь, кажется). Обольстительный, но без кривляния, абсолютно натурально; отличающийся ото всех, по-человечески тёплый, с чувством юмора, с широкой невероятной улыбкой и потрясающей памятью. До той степени, что когда он узнал, откуда я родом, будучи очень внимательным ко всем деталям беседы и любопытным в хорошем смысле этого слова, тут же выдал эмоциональное воспоминание - никоим образом не формальное, не общепринятое - о Буэнос-Айресе, затем добавив и Мехико. Достоинейший человек, резюмируя. Мы простились на улице, и в качестве последней точки, приведу начало того интервью:

"Видный мужчина, одетый в белое, с серебряной шевелюрой, в чёрных очках проходит этим по-летнему теплым вечером мимо театра Opera Bastille, в центре Парижа, и теряется, нырнув в подземку метро... Я иду, разговаривая с ним рядом, после мы обмениваемся взглядами, и он прощается выразительным жестом руки, одарив меня широкой замечательной улыбкой. И только после этого я понимаю, что пролетели больше часа беседы с ним в гримерке театра..."

Как говорил Сервантес в посвящении в своих "Странствиях Персилеса и Сихисмунды":
"Стоя одной ногой на краю вечности, мой господин, тебе посвящаю сие..."

Перевод с испанского Ирины Трушкиной